

За пределами палатки внезапно раздались крики. Цинь Юй на мгновение замер, собираясь спросить, что происходит, как вдруг Ань Цзыци стремительно ворвался внутрь.

— Цзыци? — слегка нахмурившись, произнёс Цинь Юй. — Что-то случилось?

— Ваше Высочество, — с почтительным поклоном и выражением изумления и возбуждения на лице ответил Ань Цзыци, — город пал!

— Что? — Цинь Юй застыл на месте, машинально пробормотав:

— Пал?

Ань Цзыци кивнул с серьёзным видом. Цинь Юй, сделав паузу, очнулся, резко вскочил на ноги, оттолкнул Ань Цзыци и выбежал наружу.

За пределами палатки можно было видеть, как ворота города Баньчэн широко распахнуты, а солдаты Миньюэ на стенах в панике разбегаются. Войска Цзинь ворвались в городские ворота без малейшего сопротивления.

— Как это возможно?

Цинь Юй смотрел на это и вдруг почувствовал, как подкашиваются ноги. Ань Цзыци, стоявший рядом, мгновенно подхватил его.

— Ваше Высочество?

Князь Цзинь не ответил, его лицо побледнело, и в его взгляде, устремлённом вперёд, не было и тени радости от победы.

В третий год эры Цзяньпин князь Цзинь повёл свои войска из заставы Шаньгуань на юг, чтобы покорить Миньюэ. Армия князя Цзинь была храброй и в одной битве захватила ключевые пограничные города Фуин и Баньчэн. Армия Миньюэ оказалась в состоянии полного разгрома, отступая в панике. Города на их пути, видя это, открывали ворота и сдавались. Армия Миньюэ отступила до последнего рубежа обороны столицы — заставы Яньнин, где едва смогла остановиться.

Позже, когда говорили о падении Миньюэ, одни винили в этом бездарность императора Мин У-ди, другие — смуту в борьбе за престол, третьи — восемь великих семей, которые держали власть, доведя народ до нищеты, и так далее. У каждого были свои аргументы.

Но если вернуться к осени третьего года Цзяньпин, то в то время никто, включая самих жителей Миньюэ, не ожидал, что поражение наступит так быстро. Многие осознали это только тогда, когда армия князя Цзинь подошла к заставе Яньнин.

И те, кто хотел использовать Миньюэ как противовес князю Цзинь, включая Императорский двор и вдовствующую императрицу, и маркиз Вэнь, который активно заигрывал с знатью в землях У, — все оказались в растерянности, ошеломлённые происходящим.

К сентябрю, всего за чуть больше месяца, армия князя Цзинь достигла последнего рубежа обороны Миньюэ — заставы Яньнин. Ни одна война за покорение государства не была столь стремительной, настолько, что обе стороны не успевали осознать происходящее.

Армия Цзинь уже разделилась на две части: Чжао Чжипин и Ван Мэн повели свои войска на

запад, продолжая захватывать города, а князь Цзинь и маркиз Аньдин направились к заставе Яньнин.

Перед заставой Яньнин

Ань Цзыци смотрел на заставу. По правде говоря, застава Яньнин ничем не уступала заставе Тяньшунь, но за месяц сражений Ань Цзыци проникся к ней пренебрежением, считая, что она стала слишком уязвимой.

Он не был высокомерным человеком, но он видел, что Миньюэ находилось на грани краха. Армия Цзинь лишь слегка надавила, и Миньюэ быстро рухнуло, причём поражение становилось всё более масштабным. Армия Миньюэ проиграла из-за разобщённости, и никто уже не мог это исправить.

— Это неизбежный ход событий, — с усмешкой пробормотал Ань Цзыци.

— Как дела? — внезапно появившийся рядом князь Цзинь прервал его мысли.

Ань Цзыци быстро собрался и почтительно поклонился:

— Ваше Высочество, застава Яньнин, конечно, имеет прочные стены, но армия Миньюэ остаётся прежней. Максимум через пять дней мы сможем взять эту заставу.

— Хм.

В отличие от всеобщей радости в армии Цзинь, чем ближе была победа, тем более серьёзным и мрачным становилось выражение лица князя Цзинь. Многие генералы считали, что это проявление осторожности князя, его нежелания возгордиться, и тайно восхищались им. Но Ань Цзыци чувствовал, что здесь что-то не так.

— Ваше Высочество, есть ли какие-то указания? — осторожно спросил он.

— Завтра наступайте осторожно.

— Слушаюсь.

Ань Цзыци поклонился. Цинь Юй кивнул, ещё раз взглянул на заставу Яньнин и ушёл.

В своей палатке Цинь Юй с горькой усмешкой покачал головой. До сих пор он не мог поверить во всё это. Изначально он хотел лишь отбросить Миньюэ, но теперь даже он сам не мог остановить железные копыта армии Цзинь.

Тогда, говоря о том, что Миньюэ падёт в одной битве, он не думал, что это станет реальностью!

В заставе Яньнин Сыма Шаоцзюнь увидел сон. Недолгий. Ему снилось, что он снова вернулся в свои двадцать лет, стоял за спиной Цинь Чжэна и украдкой смотрел на фигуру у подножия стены, на тот самый выстрел, который поразил всю армию.

Он помнил, как в тот момент забыл о Миньюэ, забыл о своём статусе, чувствуя, что человек у подножия стены был настолько ослепителен, что ему стало стыдно за себя, и он поспешно ушёл оттуда.

Открыв глаза, он обнаружил, что ночь уже глубока. Поднявшись, он накинул плащ и вместе с охраной в одиночестве поднялся на стену.

Купол неба покрывал всё вокруг. Отсюда вдалеке можно было увидеть бесконечные огни лагеря — это был лагерь армии Цзинь. Пройдя заставу Яньнин, лёгкая кавалерия могла добраться до города Миньюэ за один день. Армия Цзинь скоро войдёт в столицу Миньюэ, разрушит дворцовые стены и уничтожит всё.

Он смотрел на горизонт, его взгляд проходил сквозь огни лагеря и останавливался на центральной части. Там стоял город, в котором жил тот юноша из его сердца. С мягкой улыбкой, которая согревала его столько лет!

— Ваше Высочество, — Лю Яньшэнь незаметно появился за его спиной.

— Что говорит Императорский двор? — не оборачиваясь, спросил Сыма Шаоцзюнь, продолжая смотреть на огни лагеря армии Цзинь.

— Его Величество ободряет Ваше Высочество и надеется, что Вы поведёте войска на отражение врага.

— Отражение врага? — Сыма Шаоцзюнь усмехнулся. — Неужели они так долго жили в покое, что совсем потеряли разум?

Лю Яньшэнь молча стоял за ним. Император У, уже в преклонном возрасте, всё ещё жил в прошлом, в эпохе золотых копий и железных коней, не желая верить в нынешнее положение армии Миньюэ.

Князь Чэн предлагал заключить мир, но несколько великих семей, включая Лю и Чан, не хотели становиться виновниками гибели государства. В их глазах, кто бы ни стал правителем Миньюэ, это не повлияло бы на них, но они не могли взять на себя эту вину.

Лю Яньшэнь только сегодня понял, что проблемы Миньюэ заключались не только в императоре У, но и в том, что они были слишком глубоки. Армия Цзинь стала последней каплей, которая обнажила всю уродливую и хрупкую сущность.

— Все ещё никто не осмеливается напомнить Его Величеству? — спросил Сыма Шаоцзюнь.

— Нет.

Сыма Шаоцзюнь вздохнул и опустил голову, не желая больше говорить. Лю Яньшэнь, глядя на него, с жалостью попытался утешить:

— Ваше Высочество, это не Ваша вина.

— Яньшэнь, в гибели государства нет невиновных, — ответил ему Сыма Шаоцзюнь.

— Вы уже сделали всё возможное, — снова попытался утешить Лю Яньшэнь.

Князь Юй быстро потерпел поражение, и если бы не решительные действия князя Чэн, который сразу же отступил, армия Миньюэ потеряла бы даже заставу Яньнин, не говоря уже об обороне.

— Ха... Победа — это спасение, а сейчас это лишь более достойная смерть.

Армия Миньюэ полностью потеряла боевой дух. Поражение и разобщённость заразительны. Если бы не застава Яньнин, эти люди, как овцы, продолжали бы бежать, преследуемые армией Цзинь.

Князь Чэн покинул стену. Лю Яньшэнь проводил его взглядом, затем тоже посмотрел на армию Цзинь у подножия стены, с негодованием в глазах. Он был талантлив, князь Чэн был амбициозен, но из-за глупости всего двора они стали генералами разгромленной армии.

Небо было ясным, облака лёгкими. Если бы не смотреть вниз, можно было бы подумать, что это мирное время. Внизу, у стен, армия Цзинь собиралась, боевые кони рвались вперёд, гул копыт разносился далеко, и, касаясь стены, можно было почувствовать, как земля дрожит.

— Приготовьте коней.

— Ваше Высочество...

Лю Яньшэнь не успел возразить, как Сыма Шаоцзюнь, поправив плащ, торжественно сказал:

— Я пойду поддержать дух наших войск.

У солдат не было боевого духа, армия была разобщена, и только так можно было хоть как-то сражаться. Лю Яньшэнь больше не возражал, лишь попросил единственный ещё боеспособный батальон охраны быть осторожным.

Две армии быстро сошлись. Ань Цзыци, стоя на коне, издали увидел, что в армии Минъюэ выделяется один отряд, который явно превосходит остальных по храбрости, идущий впереди, поднимая дух всей армии Минъюэ.

— Кто это там? — он указал кнутом на них, спрашивая заместителя генерала рядом.

— Это князь Чэн, — неожиданно появившийся рядом Цинь Юй ответил. — Он лично вышел на поле боя, чтобы поднять боевой дух.

— Ваше Высочество, — Ань Цзыци, увидев князя Цзинь, быстро поклонился, затем отдал приказ:

— Возьмите элитную кавалерию и атакуйте прямо в центр, сломите дух князя Чэн.

— Слушаюсь, — заместитель генерала ушёл выполнять приказ.

Элитные войска Цзинь быстро выдвинулись и вступили в бой с охраной князя Чэн, оттеснив его обратно в строй. Цинь Юй взглянул на это пару раз, с невозмутимым лицом повернулся.

— Сообщите, если что-то случится.

— Слушаюсь.

Ань Цзыци, повернувшись, серьёзно смотрел на поле боя, заметил человека в золотых доспехах в армии Минъюэ и с холодом в глазах сказал:

— Передайте приказ: тому, кто принесёт голову князя Чэн, будет вручена награда в тысячу золотых.

Цинь Юй, услышав слова Ань Цзыци, на мгновение остановился, но всё же спокойно ушёл.

Ань Цзыци назначил высокую награду, но он не думал, что голова князя Чэн будет легко получена. Сыма Шаоцзюнь был человеком с сильной волей, непохожим на обычных людей.

Он смог выжить в жестоком дворе Миньюэ и годы скрываться в столице, терпя унижения. Это не был человек, который легко сдавался и шёл на безрассудные поступки.

Он дорожил своей жизнью больше, чем кто-либо другой, потому что Сыма Шаоцзюнь верил, что пока он жив, он сможет изменить ход событий.

[Переведены и адаптированы китайские термины и титулы согласно предоставленному глоссарию. Исправлены орфографические и пунктуационные ошибки, отформатирована прямая речь в соответствии с требованиями (длинное тире, новая строка для каждой реплики). Удалены лишние разрывы строк. Текст приведён к единообразному стилю.]

<http://bllate.org/book/16170/1452855>